

С самого утра меня не покидало предчувствие, что именно сегодня что-то произойдет в моей жизни. Предчувствие не было тревожным, скорее наоборот. И, выходя из дома, я вдруг подумала: «Сегодня день чудес, день радости и счастья».

Впоследствии выяснилось, что я была весьма далека от истины, — «чудеса» еще куда ни шло, а вот со всем прочим... Однако приходится признать: я хоть и ошиблась в прогнозах, но все-таки догадывалась, что этот день изменит мою жизнь.

Настроение было приподнятое, воображение рисовало долгожданную встречу с единственным, которая, к сожалению, изрядно задержалась. Девушки моего возраста обычно успевают не один раз влюбиться, а многие даже выйти замуж и родить ребенка, а у меня с любовью было туго. Не потому, что я дурнушка, отнюдь. Скромность не позволяет мне назвать саму себя красавицей, но когда об этом говорят другие, я им верю. А чего не верить, раз зеркало есть и со зрением порядок? Мужчины обращали на меня внимание, и не реже двух раз в неделю я бегала на свидание, но далее продолжать знакомства почему-то не хотелось. Не думаю, что я особенно привередлива, хотя как знать... Говорят, человек сам хозяин своей судьбы. Моя мне вообще-то нравилась: интересная работа — я дизайнер в солидной фирме, неожиданно свалив-

шееся наследство — бабушкин дядя, живший в Канаде, где оказался после войны, не только разбогател, но и не забыл перед смертью об оставшихся на родине родственниках. Деньги, завещанные им, позволяли мне жить лет пять в свое удовольствие, и это тоже нараивало на оптимистический лад.

Короче, дело было за любовью, и я ждала ее с нетерпением. Оттого сегодня, выйдя из подъезда, я прошептала как заклинание те самые слова и, весело размахивая сумкой, направилась к рынку. Старогончарный рынок всего в одной троллейбусной остановке от дома моей бабушки, и это расстояние я предпочитала преодолевать пешком. Бабуля затеяла печь пироги и меня отправила за капустой. Сегодня у меня встреча только с одним клиентом в 14.00, до этого времени я и на рынок схожу, и пирогов поесть успею, и любовь встречу, ежели будет на то благословение судьбы.

Я выходила со двора, когда заметила его. На благословение судьбы он походил так же мало, как я на штангиста. Сухонький старичок в потертых джинсах, футболке и смешной шляпе с дырочками, которые носили в шестидесятые или, может, даже в пятидесятые, не знаю точно, годы прошлого века. В сочетании с джинсами и футболкой выглядела она комично. Я бы решила, что старичок — бомж и носит то, что добрым людям давно не нужно, но данному утверждению противоречил тот факт, что дядя, если можно так выразиться, прямо-таки сиял чистотой. И потертые джинсы, и футболка, и даже забавная шляпа — все выглядело безукоризненно.

Старичок сидел на скамейке, с грустью разглядывая что-то у себя под ногами, а когда я поравнялась с ним, поднял голову и улыбнулся. Я машинально кивнула и сказала «здравствуйте», решив, что это кто-то из соседей. Он кивнул в ответ, потом поднялся и пошел за мной. Странное дело: то, что он где-то там за

спиной, внезапно обеспокоило. Я повернулась и увидела, что старичок двигает следом метрах в пяти от меня. Сунув руки в карманы джинсов и поглядывая по сторонам, он теперь фантастическим образом походил на подростка, который из озорства напялил на себя прадедушкину шляпу.

Я продолжила свой путь, чувствуя за спиной странного человечка. Еще дважды оглянулась и убедилась, что он идет за мной, немного поотстав. «Меня это не касается», — решила я, но надежда на внезапную встречу с любовью испарилась, и теперь непонятным образом моими мыслями всецело завладел старичок.

Я собралась перейти дорогу, что вовсе и не требовалось. Наверное, мне просто хотелось убедиться, что старичок идет сам по себе, а не за мной. Я свернула к пешеходному переходу и краем глаза успела заметить, что дядя тоже свернул. Это здорово разозлило, возникло желание взять его за шиворот и поинтересоваться, какого черта он дурака валяет. Но тут же идея показалась на редкость глупой: человек имеет право ходить там, где считает нужным, а если мне что-то померещилось...

И тут я вздрогнула, потому что прямо над ухом услышала громкое «ка-ар». Вслед за этим с ветки соседнего дерева поднялась ворона — огромная, черная и зловещая, как вестник несчастья.

— Чтоб тебе! — буркнула я.

Не скажу, что я всерьез забеспокоилась, но мне стало как-то не по себе, а главное, радостные мысли по поводу близкой любви окончательно улетучились, как та самая ворона. Впрочем, через мгновение я смогла убедиться, что с птичкой все не так просто. Она устроилась на дереве прямо напротив и вроде бы с интересом наблюдала, как я перехожу улицу. Я достигла тротуара, старичок еще только вступил на проезжую часть, а чертова птица вновь разразилась про-

тяжным «ка-ар», и я пожалела, что нет под рукой камня — с удовольствием запустила бы в нее, забыв про ответственность перед меньшими братьями, Гринпис и отринув прочие соображения.

Однако это желание недолго изводило меня, потому что почти в то же мгновение на дороге появился огромный черный джип, который возник как бы из ниоткуда. На бешеной скорости он стремительно приближался к старику. Я испуганно замерла: еще мгновение, и старик будет сбит машиной, но джип затормозил, остановившись в метре от дяди. Вслед за этим мне стало ясно, что джип вовсе не материализовался из ниоткуда, а выехал с улицы Пестеля, хотя летать с такой скоростью в городе не только неразумно, а попросту преступно. «Это ворона, — успела подумать я. — Из-за нее лезет в голову всякая чушь».

Только я собралась было успокоиться, как старичок повел себя в высшей степени странно. Ему стоило бы порадоваться, что все так распрекрасно обошлось, или, наоборот, разразиться гневной речью, что вот, мол, носятся тут всякие сломя голову, так и до инфаркта человека довести можно. Но вместо этого старичок бросился бежать в ближайшую подворотню, умудрившись развить такую скорость, которой и быvalый спринтер позавидует.

Джип рванул на зеленый свет и свернул в первый же переулок, откуда сразу же долетел страшный треск, послышался звон стекла. Поравнявшись с перекрестком, я обнаружила, что хозяин джипа не справился с управлением и влетел в фонарный столб. Столб изрядно погнуло, джип тоже выглядел скверно. В нем сработали подушки безопасности, и трое мужчин в машине с очумелыми лицами пытались справиться с этой напастью. Ворона, устроившись на козырьке ближайшего здания, вывела радостное «ка-ар» и вроде бы даже мне подмигнула.

Вокруг джипа потихоньку собиралась толпа, заинтересованно наблюдавшая за муками пассажиров. Я решила, что с воронами пора завязывать, потому что в голову лезли мысли фантастические и даже глупые (например, что ворона имеет к аварии самое непосредственное отношение), а я считала себя девушкой умной. В общем, я прошла мимо аварии.

Войдя в здание рынка, я вроде бы успела забыть о старичке и уж точно больше не вспоминала ворону. Правда, подозревала, что сегодняшний день, в плане больших чувств, ничуть не лучше предыдущего. Но в суете рынка и эти мысли меня оставили. Я направилась к овощному ряду, и тут старичок возник вновь. Точнее, поначалу я услышала голос, который шел вроде бы из-под земли.

— Ярослав... — прошептал кто-то, и в первое мгновение я решила, что ослышалась, но шепот вновь повторился: — Ярослав...

Я нахмурилась и начала оглядываться, и тут заметила притулившегося между высоченных прилавков с горами фруктов старичка. Очень серьезно глядя на меня, он махнул рукой, приглашая приблизиться, и я, сама не знаю почему, сделала шаг в его сторону.

— Ты ведь Ярослав? — зашептал он.

Глаза у него были странные: зрачок очень большой (может, из-за пережитого испуга), радужная оболочка казалась выцветшей, какого-то бледно-желтого цвета, и на фоне белков с желтыми пятнами была почти незаметна, будто ее и нет вовсе. А еще у него не было ресниц. Совсем. Сморщенное личико напоминало печеное яблоко, но почему-то я была уверена, что не так уж дядя и стар.

— В чем дело? — спросила я и смутилась: вопрос прозвучал довольно грубо. Кашлянула и добавила: — Извините.

— Твой отец... — опять зашептал старик. — Скажи его имя...

— Мой отец умер, — растерялась я.

— Знаю, — поморщился он. — Скажи имя.

— Анатолий Ильич Белосельский, — пробормотала я, теряясь в догадках, зачем старику это нужно. А он облегченно вздохнул.

— Слава богу. Еле узнал тебя, ошибиться боялся. — Дядя сунул руку за пазуху, достал оттуда сверток, взглянул на него, вроде бы в чем-то сомневаясь, и протянул мне: — Никому не отдавай. Никому. Слышишь?

— Что это? — нахмурилась я, отступая на шаг.

— Отец знал, и ты знаешь, — забормотал старик, очень напоминая в ту минуту сумасшедшего. — А больше никому!

— Послушайте... — начала я, а он очень ловко сунул сверток в мою сумку, что меня здорово разозлило. — Послушайте... — повторила я грозно, собираясь отчитать странного дядьку.

— Матюша, — вдруг позвал кто-то рядом, — тебя здесь спрашивают.

Толстая тетка в голубом переднике, вне всякого сомнения, обращалась именно к старичку. Она мотнула головой куда-то в сторону, я проследила ее взгляд и увидела двух рослых парней. На подбородке одного из них — свежий шрам.

— Иду! — весело крикнул старичок, но взгляд его, обращенный ко мне, посуровел. — Ни-ко-му... — нараспев сказал он. — Теперь ключ у тебя, с тебя и спрос... — И дядя юркнул в темноту прилавка.

— Послушайте, — вновь начала я, — эй... как вас... — Назвать дедулю Матюшей язык не поворачивался, я в досаде плюнула, побежала вдоль прилавка, надеясь перехватить старика, но его и след простыл.

Я заглянула в сумку, не удержалась и пощупала

сверток. Желто-коричневая бумага, в которую на почте упаковывают бандероли, шпагат, должно быть, тоже с почты. Внутри что-то твердое, завернутое, кажется, еще и в тряпку. «Ключ, — подумала я. — Старик говорил что-то про ключ. И что мне с ним делать?» Ответ пришел сам собой: разумеется, отыскать Матюшу и выяснить, что он мне такое подсунул, а главное, зачем! Судя по поведению тетки, человек он здесь известный, значит, найти его будет несложно.

Забыв про капусту, я направилась вдоль прилавков и очень скоро едва не столкнулась с Матюшей. Он стоял возле входа в кафе в компании двух мужчин, тех самых, что его искали. Один мужчина что-то говорил ему, а Матюша кивал, слушая без особого интереса. Я направилась к ним, по пути заговаривая первую фразу. Скажу ему: «Будьте добры объяснить, в чем дело...» Нет, лучше так: «Заберите свой сверток и потрудитесь объяснить...» Но ни одну из этих фраз я так и не произнесла. Матюша увидел меня, когда я оказалась совсем рядом, вскинул голову и так взглянул, что слова разом улетучились. Точно под гипнозом, я резко свернула и вошла в кафе. Матюша продолжал кивать, а парень говорить, до меня долетели слова: «Чего ты дурака валяешь?», сказанные укоризненно. Не похоже, чтобы парни ему грозили, скорее уговаривали. И в том, как дядька стоял, как кивал, испуга не чувствовалось. И все же он явно очень испугался, когда увидел, что я приближаюсь, то есть он боялся, что парни обратят на меня внимание.

Я устроилась за столиком кафе, через стеклянную дверь наблюдая за тем, что происходит на рынке. Теперь говорил Матюша, но слова его я слышать, разумеется, не могла, однако по физиономии парня со шрамом догадалась, что по душе они ему не пришлись. Второй парень звонил по мобильному, нервно расхаживая рядом. Матюша сказал что-то резкое, мах-

нул рукой, точно подводя итог разговору, и зашагал по проходу. Парни переглянулись, тот, что со шрамом, пожал плечами, и оба направились к центральному входу, а я вспомнила, что мне нужна капуста.

Происшедшее интриговало и раздражало одновременно. Очень хотелось заглянуть в сверток, но я решила потерпеть до дома. Выпила кофе и отправилась за капустой. Нечего и говорить, что расстояние до квартиры бабули я преодолела в рекордные сроки, хотя, замечая, что вдруг срываюсь чуть ли не на бег, старалась идти медленнее. Куда там! Любопытство — серьезное испытание, и я знала — мне его не выдержать.

Мысли о любви, которая с утра казалась такой вероятной, более не беспокоили, и сожаление, что еще один день в этом смысле прошел впустую, не посетило. Меня одолевали совсем другие мысли. Я думала только о странном старике. Он ведь шел за мной от самого дома. Точнее — от дома моей бабушки. Еще несколько лет назад здесь жила вся наша семья: я, бабушка, мама, а еще раньше — мой отец. До своей смерти. Матюша был знаком с моим отцом, это очевидно. Отец погиб, когда мне был всего год. Если последний раз дедуся видел меня в том нежном возрасте, немудрено, что едва узнал. Нет, должно быть, он все-таки видел меня позднее. Например, был знаком с моей матерью. И еще его интересовало имя отца — он боялся спутать меня с кем-то, отдать сверток не тому, не той... Черт, что же там, в свертке? А если дядька просто чокнутый? Мало ли в городе сумасшедших... Он ждал меня, шел за мной, а еще боялся, что кто-то узнает о том, что он передал сверток мне. Его взгляд возле кафе можно было понять только так: «Проходи мимо и забудь, что мы встречались». Кстати, парни, очень может быть, те самые, что преследовали его на джипе. Точнее, от которых он рванул со всех

ног. Хотя их встреча на рынке выглядела вполне мирной, значит, убежал он от них, преследуя две цели: не хотел, чтобы парни обратили на меня внимание, и желал сохранить факт передачи свертка в тайне. Его последующее поведение данную версию подтверждало. Что же в свертке? Ладно, еще немножко терпения, сейчас приду и увижу...

Тут я некстати подумала о вороне. Не скажу, что люблю мистику, но кое-какие фильмы на эту тему смотрела. И даже с удовольствием. Вóроны и вороны, если память мне не изменяет, зачастую бывали символом зла и пособниками нечистой силы. И здесь птица появилась весьма впечатляюще, хотя, если придерживаться истины, Матюша не пострадал, а вот его возможные преследователи влетели в столб. Так что если сегодняшняя ворона и вестница несчастья, так накаркала она его парням, а не Матюше. Вот и выходит: либо Матюша дружит с нечистой силой, либо все это чушь, что более вероятно.

Я усмехнулась и поспешно вошла в подъезд, радуясь, что разгадка близка. По крайней мере, я на это надеялась. «Отдам продукты бабуле и домой», — подумала я, но тут же поняла, что такое испытание слишком сильное для меня: до моей квартиры довольно далеко, а я и так изнываю от любопытства.

Уже год я жила отдельно, благодаря все тому же наследству. Хотя бабуля и возражала, я все же купила себе квартиру, объяснив это тем, что деньги не должны лежать мертвым грузом, а жилье постоянно дорожает. Бабушка, хоть и нехотя, с моими аргументами согласилась. Теперь я навещала бабулю ежедневно, а вот уживаться с ней под одной крышей было нелегко. Особенно после того, как мама вышла замуж и уехала из города. Бабушка сочла ее поступок предательством по отношению к своему давно погибшему сыну и неустанно вспоминала об этом. Отца я, конечно, не пом-

нила, хотя мне и казалось, что я его люблю. Но мамин новое замужество лично я вовсе не считала предательством. С какой стати молодая красивая женщина должна всю оставшуюся жизнь пребывать в одиночестве? Но объяснять то же самое бабуле было бесполезно, она просто не желала ничего слушать. Когда мама вышла замуж, я училась в школе, решено было, что школу мне лучше закончить здесь, и мама уехала одна, точнее, с мужем. Бабушка, с одной стороны, была очень рада, что я осталась с ней, а с другой — отъезд мамы неизменно трактовала по-своему: «Ребенка бросила ради мужика». В общем, бабуля у меня прекрасный человек, но жить с ней вместе — испытание, вот я и постаралась улизнуть при первом удобном случае.

— Славик, это ты? — крикнула бабушка с кухни, услышав, как хлопнула входная дверь.

Ярославой меня назвал отец. Надеюсь, из лучших побуждений. Бабуля объясняла выбор имени большой любовью отца к русской истории. Уверена, в русской истории можно было отыскать имя и получше, что-нибудь благозвучное и более подходящее современной женщине. Екатерина, к примеру. Ярославой меня называли разве что официально. Друзья, родственники и знакомые предпочитали звать меня Славиком, а то и вовсе придумывали что-то неудобоваримое вроде Яры.

— Я, бабушка, я, — ответила я, проходя с сумкой в кухню.

Бабуля возилась с тестом.

— Капусту не забыла? — спросила она серьезно, как будто я когда-нибудь что-то забывала.

— Не забыла.

Я выкладывала продукты на стол, бабушка стояла ко мне спиной, и я быстро переложила сверток на дно сумки, не желая, чтобы она его увидела.

— Хочешь, помогу тебе? — предложила я без особого энтузиазма.

— Не говори глупости, — отрезала бабушка. — На кухне должна быть одна хозяйка.

— Ну, как знаешь, — пожалала я плечами и удалилась в комнату, которую до сих пор считала своей.

По дороге убрала хозяйственную сумку в шкаф в прихожей, а сверток сунула под мышку. Изнывая от нетерпения, нашла ножницы. «Хороша я буду, если в свертке окажется какая-нибудь гадость!» — мысленно хмыкнула я, разрезая бечевку. Развернула бумагу. Узкий и довольно длинный предмет был завернут в красную бархатную ткань. Несколько секунд я таращилась на нее как бы в преддверии великой тайны, пока на себя не разозлилась: что это я, в самом деле? Развернула ткань и удивленно замерла. На столе лежал кинжал или стилет, поди разберись, как подобная штука правильно называется. Металл, похожий на серебро, хотя и здесь наверняка не скажешь. Ладно, допустим, серебро. Хотя я не слышала, чтобы из серебра делали оружие. Серебро, как и золото, мягкий металл. Значит, скорее какой-то сплав. Длинное тонкое лезвие с острым концом. Но более всего поразила рукоятка. Она была выполнена с величайшим искусством. В переплетении серебряных цветов крест с распятым Спасителем, в его ногах череп. Я перевернула кинжал. То же сплетение трав и цветов, но вместо распятия фигурка животного и какая-то надпись явно на старославянском. Животное — телец, а вот что написано... Очень короткое слово в самом низу никак не желало читаться, пока я не вспомнила, что при написании слов на старославянском гласные зачастую опускали, на их наличие указывал особый знак «титло». При внимательном рассмотрении он обнаружился, и теперь я смогла прочитать слово: Лука.

Поначалу я решила, что кинжал имеет какое-то от-

ношение к знакам Зодиака, ведь телец — одно из созвездий. Но наличие на другой стороне распятия этому противоречило. Хотя, может, и нет. Тут пришла очередная догадка, и я, решив ее проверить, стала искать православный словарь, на что ушло довольно много времени. Книга стояла во втором ряду в огромном книжном шкафу, и обнаружила я ее не без труда. Зато была вознаграждена. Итак, Лука один из апостолов, оставивших жизнеописание Христа, то есть Евангелие. На иконах изображается его символ — телец. Лука начинает свое Евангелие повествованием о рождении Предтечи Христова Иоанна от священника Захария, в числе обязанностей которого было приносить в жертву между прочими животными тельцов. Немного путано, но не лишено логики. Трудно понять, зачем вообще понадобились символы, но, должно быть, два тысячелетия назад кто-то видел в них необходимость. Буквы на рукоятке сложились в фразу: «Рука твоя — рука Божья». Итак, никаких знаков Зодиака, вещь самая что ни на есть христианская — распятие, имя апостола и его символ. Вот только сама вещь мало подходит, с моей точки зрения, человеку верующему. Верующий человек просто обязан быть пацифистом, и оружие должно вызывать у него неприязнь. А в том, что передо мной оружие, я не сомневалась. Хотя постой... Матюша ведь сказал «ключ». Любопытно, к чему он? Или от чего?

Надо сказать, верующим человеком я себя не считала, хотя нравственный аспект христианства вызывал у меня уважение. Я повертела кинжал в руках и задумалась. Очень хотелось побыстрее разыскать Матюшу и устроить ему допрос, с какой такой стати он вручил мне необычную вещицу, а главное, что имел в виду под словом «ключ».

Я так увлеклась созерцанием кинжала и своими мыслями, что не услышала, как в комнату вошла ба-

бушка. Надо сказать, старушка была любопытной и любила появляться неожиданно, то есть практически бесшумно, чему способствовала привычка ходить по дому в носках.

— Что это? — услышала я над ухом и вздрогнула от неожиданности. Хотела прикрыть кинжал тканью, но поняла, что безнадежно опоздала. — Откуда он у тебя?

Лицо бабушки выражало неподдельную тревогу, и я с ходу принялась врать:

— Дал один знакомый. Правда, забавная вещица?

— Ничего забавного я не вижу, — еще больше нахмурилась бабуля и, точно мгновенно обессилев, опустила в кресло по соседству. — Слава, откуда у тебя этот кинжал? — повторила она, в голосе ее прозвучало нечто такое, что не позволило мне предположить — она просто желает быть в курсе всех моих дел, включая и те, которые ее не касаются, и беспокоится за меня, потому что другого занятия для себя придумать не может.

— Я же говорю: дал знакомый, — вздохнула я, все еще не желая сказать правду. — Он купил его на блошином рынке и хочет знать, представляет ли он какую-нибудь ценность.

— И поэтому обратился к тебе? — саркастически усмехнулась бабуля.

— У меня есть знакомые, которые в таких вещах разбираются, — ответила я, недовольно поморщившись.

— Не сомневаюсь. Дай сюда! — сказала бабушка так требовательно, что я поспешно протянула ей кинжал. — Принеси очки, — буркнула она. — На журнальном столике.

Я сходила в гостиную и вернулась с очками. Все это время бабуля держала кинжал в руках с таким видом, точно он жег ей пальцы. Водрузила очки на нос и принялась его разглядывать.

— Лука... Это другой кинжал, — сказала то ли с сожалением, то ли с печалью и положила его на стол. Надо сказать, бабуля у меня дама прогрессивная, церковь считает пережитком, а церковнослужителей — бюрократами, и ее познания в данной области произвели впечатление. — Надо же...

В этом ее «надо же» было столько удивления, что я почувствовала себя заинтригованной и полезла с вопросами:

— Что значит «другой»? Ты видела подобный кинжал?

— Нет. Точнее, видела рисунок. Твой отец был по-мешан на этой чепухе.

Такой ответ не просто не удовлетворил — он вызвал еще больше вопросов.

— Бабуля... — начала я, но она меня перебила.

— Не могу поверить, — с печалью покачала она головой, — через столько лет... Вот уж действительно судьба! Кто-то из твоих знакомых, говоришь... Славка, — нахмурилась она, — а ты не врешь? Надеюсь, ты помнишь, что врать нехорошо, особенно родной бабке?

Разумеется, я помнила. И теперь изнывала от соблазна покаяться. С другой стороны, хотелось побыстрее узнать что-нибудь о кинжале.

— Бабуля, ты говоришь загадками, — укоризненно заметила я.

Она махнула рукой:

— Должно быть, и впрямь судьба, а от нее не уйдешь. В отличие от твоего отца, у тебя есть здравый смысл, так что, надеюсь, эта штука не испортит тебе жизнь.

— А отцу испортила? — вытаращила я глаза.

— Он потратил много лет на поиски, вместо того, чтобы... Впрочем, твой отец был неординарным человеком и подходить к нему с общими мерками...

— Бабуля, ты меня уморишь! — не выдержала я. — У отца был такой кинжал, точнее, рисунок?

— Был. Точно такой же, за одним исключением: на рукоятке изображение льва и имя Марк.

— Телец — символ евангелиста Луки, — со знанием дела кивнула я. Знания были приобретены двадцать пять минут назад, но от этого гордилась я ими не меньше.

Тут бабуля вновь потрясла меня. Она кивнула и продолжила, и никакая энциклопедия ей не понадобилась:

— Точно. Марк начинает свое Евангелие проповедью Иоанна Крестителя в пустыне, которая была подобна голосу льва, оттого и символ.

— Восхищаюсь твоими познаниями, — подхалимски произнесла я.

Она вновь усмехнулась:

— Твой отец мне все уши протрещал с этими кинжалами.

— Так, значит, существует несколько подобных кинжалов?

— Значит, раз один лежит перед тобой, а еще один я видела на рисунке. Всего их должно быть семь. По крайней мере, так считал твой отец.

— Почему семь? Ведь евангелистов всего четверо?

— Откуда мне знать? Так он считал. Отдавая ему дневник, я хотела, чтобы мой сын заинтересовался своими корнями... Я и подумать не могла, к чему это приведет...

— Бабуля, ты опять говоришь загадками, — попеяла я.

— Он действительно попал к тебе случайно? — нахмурилась она.

Я уже хотела рассказать правду, но вдруг подумала, что тогда интересующие меня сведения могу и не получить. Если бабуля решит молчать, никакие силы

небесные не заставят ее говорить. Врать все-таки не хотелось, и я лишь кивнула.

— Сиди здесь, — сказала бабушка, поднимаясь. — Я сейчас все принесу.

Весьма заинтригованная, я сидела за столом, слыша, как бабуля в своей комнате хлопает дверцей секретера и выдвигает ящики. Когда я уже собралась идти туда, горя нетерпением, она появилась, держа в руках четыре тетради, которые я из-за кожаных переплетов поначалу приняла за книги.

— Вот, — сказала она, положив их на стол. — Это дневники моего деда, Белосельского Константина Ивановича.

— Почему ты раньше о них ничего не говорила? — удивилась я, взяв в руки потрепанную тетрадь с пожелтевшими листами.

Бабуля пожала плечами:

— В основном потому, что твой отец чересчур всем этим увлекся. И погиб, — добавила она.

— Бабуля, — укоризненно покачала я головой, — но ведь не из-за этих же дневников он погиб?

— Как посмотреть, — опять пожала она плечами. — Если бы не дневник, он бы, возможно, никогда... Впрочем, повторяю, с судьбой не поспоришь, и кинжал тому доказательство. — Она покачала головой и вдруг продолжила совсем другим тоном: — Ты мало похожа на своего отца, он был романтик, идеалист, а ты... ты слишком практична. Иногда мне становится не по себе, когда я слышу твои высказывания.

— Спасибо за критику, постараюсь учесть, — раздвинув рот до ушей, сказала я. «И не особо при тебе высказываться», — хотела добавить я, но решила промолчать.

— Может быть, дневники помогут тебе взглянуть на мир немного по-другому, — заключила она, вроде бы совсем меня не слушая.

Бабуля торжественно удалилась, а я вздохнула. Затем перевела взгляд на дневники. Открыла тетрадь, ту, что лежала сверху. Первые же строчки повергли в трепет. Мама дорогая, 1910 год! Невероятно! В голове закружились обрывки исторических сведений: первая русская революция, Кровавое воскресенье, русско-японская война... А тут: «Сегодня на Фонтанке я увидел Ее... Она шла с букетом фиалок...» Почерк у моего прапрадеда был на редкость красивый, кажется, в его время это называлось «каллиграфический». А может, не в его время, неважно. Главное, читать было одно удовольствие. История первой любви — что может быть интереснее и трогательнее!

Я не заметила, как перебралась на диван, не отрывая взгляда от пожелтевших страниц, и вскоре ничего на свете меня уже больше не интересовало, только двадцатипятилетний Костя Белосельский и его первая любовь. Встречу с клиентом пришлось отменить.

Бабуля тихонько вошла в комнату, закрыла балконную дверь, пироги на блюде стремительно исчезали, а я, уминая очередной и почти не чувствуя вкуса, продолжала переворачивать страницы.

— Бабуля, — позвала я. — Он на ней женился? Верочка Москвина, это ведь моя прапрабабушка? — Стыдно, но я понятия не имела, как звали мою прапрабабку.

— Читай дальше, — отмахнулась бабуля. — И все узнаешь.

Никаких упоминаний о кинжале в дневнике не было, в нем вообще шла речь только о любви, но теперь о кинжале я даже не вспоминала, так захватили чужие чувства. Было странно, что кто-то сто лет назад, как и я, надеялся, мечтал, страдал, и все это вовсе не выдумка автора литературного произведения, все по-настоящему, и этот «кто-то» мой прапрадед. И само повествование, и его мысли казались странно современ-

ными. Только вдруг натолкнувшись на упоминание каких-то исторических событий, я с изумлением понимала, что все описанное здесь происходило очень давно, что нас разделяют революция, несколько войн, создание и падение советской империи, Сталин с репрессиями, Горбачев с перестройкой... Столько всего уместилось в сто лет, а у меня было такое чувство, что писал все это мой ровесник. Впрочем, так оно и есть. Тогда прапрадеду было примерно столько лет, сколько мне сейчас.

Вторая тетрадь подходила к концу. Костя наконец-то объяснился и предложил своей возлюбленной руку и сердце. А Верочка Москвина ему отказала. Вот так. Восемь страниц со следами слез, размывших чернила. Жизнь кончена. Костя подумывал застрелиться. Но нет, это недостойно мужчины. Надо помнить, что жизнь дана человеку не только для личного счастья, и вообще личное счастье мужчины неотделимо от служения Отчизне.

— Правильно, — кивнула я. — Плюнь на эту вертикаль. Подумаешь, свет на ней клином сошелся...

Костя принял решение покинуть родной Санкт-Петербург, где все, абсолютно все напоминало ему о несчастной любви, и вскоре оказался в нашем городе. Молодой товарищ прокурора... Оказывается, это должность. Если я правильно поняла, что-то вроде современного зама.

Наш город Косте понравился. После столичной суеты тишина и патриархальные нравы произвели самое отрадное впечатление. Работой его особо не перегружали, жил он на широкую ногу (мог себе позволить), считался завидным женихом, часто бывал в обществе, интересничал и даже начал понемногу спекулировать былой любовью, чего стыдился в минуты, когда оставался наедине с самим собой. Мысли о Верочке все реже терзали его, он томно вздыхал, погля-

дывая на девиц и намекая на разбитое сердце, и все чаще упоминал в дневнике имя дочки градоначальника. Так что нетрудно было догадаться: вскоре Верочку окончательно вытеснит Софья.

— Надеюсь, это моя прапрабабка, — вздохнула я, хотела потревожить бабулю, чтобы спросить, но передумала.

Зарисовки губернского города сменяли размышления о смысле жизни, о своем призвании, и вдруг вот такая запись: «23 апреля прибыл человек из Спасо-Преображенского монастыря, что в двадцати верстах от города, привез письмо от настоятеля...» Произошло нечто невероятное: ночью в своей келье был убит один из монахов монастыря. И двадцать третьего апреля поздно вечером Костя как должностное лицо выехал в Спасо-Преображенский монастырь.

Шел проливной дождь, колеса вязли в грязи, и чиновники выходили из коляски, чтобы помочь лошадям. Казалось, они встретят рассвет в дороге, и вдруг кучер Матвей, ткнув кнутом в непроглядную темень, крикнул:

— Вот он, монастырь, слава богу, приехали.

И сквозь сумрак дождя Костя разглядел крохотный огонек зажженной лампы перед иконой Спасителя, что висела над воротами монастыря. Измученная лошадь, почуяв жильё, пошла веселее, и вскоре Костя оказался перед огромными белеными стенами. Деревянная калитка, обитая железом, была заперта, пришлось долго стучать, прежде чем старый монах открыл ее и, бормоча что-то себе под нос, проводил прибывших чиновников к настоятелю. До той поры Косте никогда не доводилось бывать в таком месте, особо верующим он себя не считал, хотя каждое воскресенье отстаивал обедню. Монастырь буквально потряс его. Обитель возвели в семнадцатом веке на том

же самом месте, где ранее уже был монастырь, но сгорел за двенадцать лет до этого.

Сквозь пелену дождя Костя успел разглядеть величественный храм и колокольню. Прибывшие прошли в келейный корпус и длинным коридором проследовали к покоям настоятеля. Костю охватило странное чувство: тревога, беспокойство? Близость к чему-то такому, чему он не мог подобрать названия. Не так он представлял себе святое место. В святом месте человек должен испытывать покой, умиротворение, а он ощущал тревогу.

Я на некоторое время отвлеклась от дневника. В Спасо-Преображенском монастыре я была месяц назад. Там сейчас музей, а до того долгое время была тюрьма или колония. Я поднялась с дивана, нашла рекламный проспект музея, схему расположения зданий с подробным планом, фотографии. Так, вот они — покои настоятеля. Длинный, очень узкий, со сводчатым потолком коридор, каменные плиты под ногами... Сейчас стены оштукатурены и побелены, тогда они были из красного кирпича. Лампа в руках монаха, странные тени на потолке... Чувства Константина мне весьма понятны. Я сама испытала легкий трепет, проходя по тому коридору в одиночестве.

Покои настоятеля в самом конце здания, точнее, это уже другое здание, соединенное с первым еще одним переходом. Окна с двух сторон, узкие, как бойницы, но почти до самого пола. Дождь хлещет как из ведра, и вдруг Костя слышит странный звук, точно кто-то стучит в окно, поворачивает голову и в окне справа видит огромного ворона.

«Очень интересно, — усмехнулась я. — Начинает напоминать мою историю. Значит, ворон. В проливной дождь птичке положено сидеть в укромном месте и не каркать. Но этому вздумалось полетать...»

Монах испуганно шархнул от окна и переkre-

стился. Костя пренебрежительно усмехнулся, но беспокойство в его душе лишь возросло. Наконец они достигли покоев настоятеля. Костя был удивлен, обнаружив довольно молодого еще мужчину гусарской внешности — пышные усы, аккуратная бородка, острый взгляд ярко-синих глаз, которые в свете лампы были похожи на два больших сапфира. «Гусар» представился, и тут выяснилось, что он не настоятель. Отец Андрей, так звали «гусара», сообщил, что настоятель неважно себя чувствует, встречи с ним придется подождать до утра, но он, отец Андрей, готов ответить на все вопросы и... Разумеется, Костя хотел знать, что произошло в монастыре. Отец Андрей вздохнул и стал рассказывать.

Дело обстояло так: сегодня во время заутрени монах по имени Никон незаметно покинул храм. Почему он это сделал, никто не знает. Возможно, почувствовал недомогание. Как сказал отец Андрей, поначалу никто не обратил на это внимания. После службы монахи отправились в трапезную, и тут наконец отсутствие Никона было замечено, но особого значения этому факту не придали. И только через час тело Никона обнаружили на пороге его кельи.

— Где труп? — деловито поинтересовался следователь, прибывший вместе с Костей, который, по его мнению, никогда не отличался особой деликатностью.

— В келье, — сурово ответил отец Андрей.

— Ну, так ведите!

Тем же коридором они вернулись назад. Здание напоминало букву Г, и интересующая их келья оказалась в другом крыле. Следователь Никифоров шел впереди и позевывал. По дороге в монастырь он излагал Косте свои взгляды и церковнослужителей называл мракобесами, сейчас он с отцом Андреем говорил без особого почтения. Костю это коробило. Он счи-

тал: те, кто уходит от мира, чтобы молиться за других, достойны уважения. В глубине души он ими даже восхищался.

Никогда не видя прапрадеда на фотографии, я представляла его таким — высокий блондин с ясным взглядом, улыбочивый, добрый. Он изо всех сил старался «соответствовать» и быть серьезным. Скорее всего, выглядело это забавно. Сейчас, читая дневник, я как будто находилась рядом с ним, так живо он все описал. Видела мрачные переходы монастыря, скупающую физиономию Никифорова, красивое лицо отца Андрея и чуть испуганную самого Кости. Страх он считал недостойным себя, но с той минуты, как за его спиной закрылась калитка монастыря, он чувствовал себя не в своей тарелке. Нет, не страх владел им, скорее беспокойство, а еще предчувствие. И проклятая ворона не шла из головы, хоть он и сердился на себя за глупые предрассудки.

Наконец они подошли к келье. Возле низкой двери случилась заминка: отец Андрей хотел войти первым, но после некоторого колебания пропустил вперед Никифорова и Костю.

Келья оказалась маленькой комнатой. Вдоль левой стены лавка, на которой лежал мертвый монах, прикрытый какой-то тряпицей. Прямо напротив оконце, возле него узкий стол с табуретом, на столе раскрытая книга. Костя, взглянув мельком, понял — Библия. Надо сказать, мертвецов Костя побаивался, но, конечно, скрывал это, и сейчас держался от лавки на расстоянии. Никифоров, отбросив тряпицу в сторону, принялся разглядывать убиенного. В келье горела только лампада перед иконой в углу, но отец Андрей захватил с собой лампу, и ее света вполне хватало.

— А вы идите, идите, — кивнул ему Никифоров. — Мы уж тут сами.

Тот вроде бы заколебался.

— Возможно, у вас возникнут вопросы... — неуверенно произнес он.

— Все вопросы завтра. Завтра доктор приедет, осмотрит труп. Соблаговолите распорядиться комнаты нам приготовить. До ближайшей гостиницы верст десять, а по такой погоде мы полночи ехать будем. И человечка нам отрядите, чтоб во владениях ваших не плутать, а затруднять вас мы более не смеем.

Отец Андрей ушел, а Никифоров тут же повернулся к Косте и заявил презрительно:

— Врут святоши. Головы нам морочат.

— Как врут? — удивился Костя.

— А так и врут. Этот утверждает, что монаха на пороге кельи нашли. И ничегошеньки не трогали. А где же тогда кровь? А крови нет, милостивый государь. Ни на пороге, ни на лавке.

— Вы хотите сказать, что монаха убили вовсе не здесь?

— Хочу. Не здесь и не утром, а самое малое сутки назад.

— Зачем же они говорят неправду? — удивился Костя.

— Поди разбери, что у них на уме.

Разумеется, сам факт убийства был для монастырских крайне неприятен — бросал тень на обитель. А учитывая, что чужих в монастыре не было, дело становилось весьма щекотливым, потому что выходило: убил кто-то из своих, то есть кто-то из монахов, что уж вовсе никуда не годилось.

Никифоров продолжил размышлять вслух, а Костя подошел к столу и начал машинально листать страницы Библии. И вот так, совершенно случайно, нашел листок папиросной бумаги, аккуратно подклеенный к одной из страниц.

«Сказано, — прочитал он, — будешь ты орудием Господа, его щитом и мечом... — почерк был мелкий,

и Костя передвинул лампу поближе, всматриваясь в текст... — стеной нерушимой на пути Антихриста. Рука твоя — рука Божья, и меч в ней — его меч».

— Что это? — удивился Костя, поворачиваясь к Никифорову.

Тот подошел, неохотно взглянул на книгу:

— Чепуха.

— Вам не кажется, что листок зачем-то желали спрятать?

Костя перечитал текст трижды, но откуда взята цитата, так и не вспомнил, что не удивительно, раз церковными текстами он ранее не интересовался. Никон зачем-то выписал эту цитату и запрятал листок в Библию. Хотя, может, и не прятал. Просто положил, а потом и вовсе забыл о нем. Почему бы и нет?

Костя продолжил чтение. Еще двенадцать цитат, примерно того же свойства: некто, избранный Господом, должен стать на пути Антихриста. Внизу была сноска «Наказ» и знак вопроса.

Размышления Кости прервало появление монаха, молодого парня с хмурым лицом и недоверчивым, даже злобным взглядом. «Такому только в городские идти», — невольно подумал Костя и смутился. Никифоров начал задавать монаху вопросы, то и дело позевывая и вроде бы даже ответов не слушая. А тот отвечал односложно, с напускным смирением, но взгляд его говорил о многом, например, о том, что он с удовольствием проводил бы обоих прибывших к монастырским воротам.

Разговор с монахом лишь укрепил подозрения Никифорова. Монах повторил слова отца Андрея, что труп Никона нашли на пороге кельи. Была ли кровь на полу?

— Нет, — ответил он, немного поколебавшись.

Никифоров спросил, уверен ли он в этом, на что монах заявил, что пришел много позднее остальной

братии, но, насколько ему известно, никто ничего не убирал, потому что настоятель категорически запретил что-либо трогать. Тело перенесли в келью и сразу же отправили человека в город. На сем осмотр трупа и импровизированный допрос были закончены.

Далее события развивались по законам детективного жанра. Никифоров с Костей решили дождаться доктора и в том случае, если он подтвердит подозрения Никифорова, приступить к допросу монахов со всей строгостью. А пока оба отправились спать. Кельи для ночлега им выделили в разных концах коридора, что Косте не понравилось. Впрочем, он был уверен, что уснет мгновенно, так вымотала его дорога.

Но уснуть оказалось не так просто. Только он задремал, погасив лампу, как услышал чьи-то осторожные шаги — некто прошел мимо его кельи, проследовал коридором до поворота, после чего шаги стихли. Буквально через минуту Костя вновь услышал шаги. Сначала решил, что человек возвращается, но тут же стало ясно: нет, это идет другой человек, и следует он в том же направлении, что и первый. Костя поднялся, оделся, не зажигая лампы, и выглянул в коридор. Тот тонул в темноте, разглядеть что-либо возможным не представлялось, и есть ли кто-то поблизости, оставалось тайной. Взять с собой лампу Костя не рискнул и в темноте, держась за стену, пошел по коридору в ту сторону, где, как он предполагал, затихли шаги.

Думаю, мой прапрадед отправился бродить по монастырским коридорам по двум причинам: первая, конечно, любопытство, он был чрезвычайно заинтересован происходящим. Перед отправкой на это происшествие его вызвал сам губернатор, говорил отечески ласково, но дал понять, что в такое время любая тень, брошенная на святую обитель, может самым не-

предсказуемым образом повлиять на ситуацию в губернии. А она не проста, ох как не проста! Понятное дело, губернатор не был заинтересован в огласке столь скандального происшествия (и впоследствии, как выяснилось, постарался его замять).

Надо сказать, мой прапрадед не увлекался лозунгами «о свободе, равенстве и братстве». То есть они ему вполне импонировали, но он помнил и другое изречение: «Подними раба с колен и получишь хама». Оттого идеи революции никакого отклика в нем не нашли, к власти он был лоялен, хотя и считал, что кое-какие преобразования были бы в стране весьма своевременны. Потому словам губернатора он внял и сор из избы выносить не стремился. Однако в том, что произошло, жаждал разобраться, ибо дотоле по службе не сталкивался с чем-то из ряда вон выходящим. Ну, отравила девица Смирнова купца Епифанова, прижив с ним ребенка и будучи им безжалостно брошена, а мешанин Котов по пьяному делу пришиб до смерти свою супругу... Но разве ж это интересно? А тут — кругом тайна. Один листок папиросной бумаги меж страниц Библии чего стоит. Вот и гнало Костю в темноту любопытство.

Но была и вторая причина: желание доказать самому себе, что ничего он не боится, хотя монастырские переходы и вызывали нехорошие мысли, весьма не приличествующие святой обители.

Итак, Костя шел, стараясь не производить шума. Рука его скользила по шершавой стене, пока не нащупала приоткрытую дверь. Он прислушался и уловил некий звук, шедший откуда-то снизу. Не раздумывая, Костя протиснулся в довольно узкую щель (открыть дверь пошире он не рискнул, боясь скрипа дверных петель) и едва не свернул себе шею: прямо за дверью начиналась лестница, ведущая вниз, очень крутая. Он с трудом удержался на ногах...